

Запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ.

Въ нашей литературѣ давно уже установились два вполнѣ опредѣленные, но діаметрально - противоположные между собою взгляда на значеніе раскола-старобрядчества съ точки зрѣнія культуры и прогресса. Одни изъ писателей (главнымъ образомъ, духовнаго званія и вѣдомства) съ давнихъ поръ привыкли видѣть въ расколѣ лишь «одну тупую любовь къ старинѣ, безъ смысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствиємъ просвѣщенію, борьбою окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою».

Другіе, наоборотъ, признаютъ расколъ «крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса» и доказываютъ, что «въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ, — не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ, — безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степеняхъ высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія» (Н. И. Костомаровъ *).

Быть можетъ, оба эти мнѣнія нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ и оговоркахъ. Но мы не будемъ здѣсь въ разборъ и оцѣнку этихъ взглядовъ, такъ какъ цѣль нашей настоящей статьи нѣсколько иная. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ послѣднее время, подѣ влияніемъ новыхъ общественныхъ условій, созданныхъ всѣмъ ходомъ нашей жизни и расшевелившихъ народное сознаніе, въ средѣ русскаго старобрядчества все сильнѣе и замѣтнѣе пробиваются наружу и заявляютъ о себѣ запросы умственной, интеллектуальной жизни.

*) «Исторія раскола у раскольниковъ». «Вѣстникъ Европы» 1871 г., № 4, стр. 469.

Цѣль настоящаго очерка—воочию показать, до какой степени назрѣли эти потребности и какъ настоятельно необходимо немедленное же удовлетвореніе давно наболѣвшихъ нуждъ и запросовъ умственной, духовной жизни многочисленнаго класса русскихъ старообрядцевъ. И такъ, припомнимъ факты, которые такъ или иначе освѣщаютъ различныя стороны поставленнаго нами вопроса.

I.

Порывы къ свѣту.

Хотя мы и замѣтили, что, благодаря извѣстнымъ условіямъ, просвѣтительныя стремленія въ расколѣ съ особенною интенсивностью сказались именно въ послѣднее время, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ, однако, думать, что прошлая исторія раскола совершенно лишена всякихъ прогрессивныхъ задатковъ и стремленій. Отнюдь нѣтъ. Безъ всякаго преувеличенія, можно положительно утверждать, что въ старинной Руси раскольникъ являлся умственно гораздо развитѣе, осмысленнѣе православнаго.

Г. Костомаровъ прекрасно отбѣяетъ разницу въ умственномъ складѣ и направленіи, какая существовала между раскольниковъ и православнымъ прежняго времени. Въ старинной Руси—говоритъ онъ—грамота была вообще рѣдкостью, — раскольникъ же читалъ и пытался создать себѣ ученіе; «въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ;—раскольникъ любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокоивалъ себя мыслью; что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьей приказанія; раскольникъ пытался самъ все провѣрить, изслѣдовать. Несправедливо осыпать его обвиненіями и глумиться надъ нимъ за то, что онъ, въ своихъ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, нерѣдко доходилъ до нелѣпости или обрывался на ребячествѣ; онъ былъ лишенъ всякаго образовательнаго руководства; онъ вступилъ на свой путь съ бременемъ предразсудковъ, которые приросли къ его существу; онъ долженъ былъ самъ расчищать этотъ путь орудіями, слишкомъ первобытными, встрѣчая трудности и спереди, и сбоковъ; ничто ему извиѣ не помогало; напротивъ, все ему препятствовало, все старалось попятить его назадъ. Какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ

расколѣ, все-таки, онъ соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака умственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію *)).

Эта характеристика культурнаго значенія раскола находитъ себѣ полное подтвержденіе въ фактахъ и событіяхъ почти всей исторической жизни русскаго старообрядчества: Отмѣтимъ здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя немногіе изъ этихъ фактовъ, для доказательства, что стремленія къ свѣту, къ просвѣщенію издавна были присущи различнымъ группамъ русскаго раскола.

Еще въ то время, когда почти вся масса русскаго крестьянства кочевала въ полномъ невѣжествѣ, мы уже находимъ въ расколѣ несомнѣнные признаки и проблески умственнаго развитія и просвѣщенія. Уже въ это время въ ихъ скитахъ можно было встрѣтить школы, въ которыхъ обучались грамотѣ старообрядческія дѣти обоего пола; въ скитахъ были свои учителя и учительницы, свои библіотеки **) и цѣлыя канцеляріи, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ переписывались разныя старообрядческія книги, тетради, рукописи и т. д.; составлялись стихи, сатиры, въ которыхъ осмѣивались тѣ или другіе пороки и смѣшныя стороны въ жизни старообрядчества ***) , издавались аллегорическаго содержанія картины и проч. Все эти произведенія старообрядческихъ писателей, во множествѣ циркулируя среди приверженцевъ раскола, неизбѣжно должны были будить спавшую до тѣхъ поръ мужицкую мысль.

Само собою понятно, что школы и учителя, какіе были въ это время у старообрядцевъ, не могли дать своимъ воспитанникамъ ничего, кромѣ простой элементарной грамотности. Но, вѣдь, и это уже не малая заслуга съ ихъ стороны, — особенно для тогдашняго времени. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что въ средѣ старообрядчества уже въ то время выяснялось сознаніе о недостаточности подобныхъ школъ и постепенно назрѣвала мысль о необходимости болѣе широкаго, научнаго образованія.

Одинъ изъ писателей старообрядческихъ, выгорѣцкій старецъ Андрей Борисовичъ, составлялъ даже проектъ основать въ Вы-

*) «Вѣстникъ Европы» 1871 г., № 4.

**) Напр., «Модный старообрядецъ» — сатира, написанная пѣморцами Скопцовымъ и Андрианомъ Сергѣевымъ.

***) Какъ велики были эти библіотеки, можно между прочимъ, судить по слѣдующему факту: при разгромѣ Выговскихъ скитовъ, по свидѣтельству г. Майнова, «было сожжено около 3,000 рукописей». (*Историческій Вѣстникъ* 1880 г., № 11, стр. 542).

горѣции *академію*, но эта мысль не осуществилась лишь потому, что велѣдъ затѣмъ сильный пожаръ опустошилъ эту поморскую колонию.

Другой, еще болѣе извѣстный и талантливый старообрядческій писатель, Павелъ Любопытный, писалъ къ московскому поморскому пастырю Скочкову о необходимости учредить для юношества своей секты «образовательныя училища», «гдѣ бы преподаваема была *вся словесность наукъ*». Съ жаромъ доказывая пользу и необходимость подобныхъ училищъ, старообрядческій писатель восклицалъ: «Скоро бы появились у насъ божественные Платоны, Демосѣены и Лигурги! Тогда бы скоро церковь наша увѣнчана была покоемъ, множеніемъ, и враги благочестія не смѣли-бъ насъ унижать и дѣлать непріятельскія насилія и вѣроломства».

Такая горячая вѣра въ силу и могущество науки можетъ сдѣлать честь не одному только самоучкѣ-мужику, какимъ въ сущности и былъ Павелъ Любопытный. Но этотъ «мужикъ», во всѣхъ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ, остается вѣренъ своей любви къ наукѣ. Вездѣ онъ говоритъ съ большимъ и искреннимъ «сочувствіемъ о всякой мѣрѣ правительства, которая сколько-нибудь клонилась къ распространенію просвѣщенія въ народѣ» (*Исторія раскола у расколнниковъ*, стр. 518). Онъ скорбитъ и сокрушается по поводу замѣчаемой имъ «величайшей скудости въ ученыхъ мужахъ, которая была и есть въ нашей церкви», и постоянно твердитъ о томъ, «сколь есть нужно и необходимо церкви просвѣщеніе» *).

Мысли Любопытнаго о пользѣ просвѣщенія, о необходимости «образовательныхъ училищъ», гдѣ бы поморское юношество получалось «словесности и всѣмъ наукамъ», отнюдь не являлись исключительными въ средѣ его современниковъ-поморцевъ. Напротивъ, весьма многіе изъ представителей тогдашняго старообрядчества вполне раздѣляли мысли и стремленія Любопытнаго; таковы были, на примѣръ, архангельскій уроженецъ Крыловъ, наставникъ московскихъ поморцевъ Скочковъ, Адрианъ Сергѣевъ, Емельяновъ и друг.

При Императорѣ Александрѣ I, петербургскій поморскій пастырь, Федоръ Петровичъ Бабушкинъ, и купецъ Мокій Ивановичъ Ундозоровъ снова возбуждаютъ вопросъ объ учрежденіи старообрядческихъ училищъ. Они поручаютъ Любопытному написать

*) «Историческій словарь старообрядческой церкви» Павла Любопытнаго. Москва, 1863 г. Изъ «Чтеній въ Им. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ».

воззваніе къ поморской церкви, «дабы каждый членъ ея подалъ помощь ради спасительнаго заведенія для образованія юношества». Вскорѣ, дѣйствительно, на Малой Охтѣ было положено основаніе часовнѣ и при ней заведенію, которое предназначалось «въ покровъ бѣдности и образованію юношества ума и сердца». Къ сожалѣнію, какія-то неизвѣстныя причины помѣшали осуществиться этому предпріятію.

Чтобы дать представленіе о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, которыя постоянно встрѣчали старообрядцы въ своихъ стремленіяхъ къ просвѣщенію и образованію, мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ извѣстной *Записки о расколѣ* графа Н. А. Орлова. «Раскольники, — пишетъ графъ, — живутъ своею, отдѣльною, замкнутою жизнью, и посторонній взоръ рѣдко проникаетъ въ нее. Это отчужденіе возбудило у многихъ мысль, что раскольники гнушаются обществомъ и ненавидятъ просвѣщеніе. Къ счастью, безусловнымъ порицателямъ раскола здѣсь можно отвѣчать фактами». И затѣмъ графъ Орловъ приводитъ слѣдующія данныя.

Въ 1832 году была закрыта въ Ригѣ единственная русская школа *) потому только, что ею управлялъ раскольникъ, и на томъ основаніи, что, по закону, раскольники не могутъ занимать общественныхъ должностей. Сироты, бывшіе въ рижской раскольниковской школѣ, переведены въ рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

Подобная же участь постигла московское раскольниковское училище, закрытое въ 1835 году.

Въ 1839 году послѣдовало запрещеніе выдавать раскольниковамъ свидѣтельства на право обученія дѣтей и, въ то же время, министру народнаго просвѣщенія предписано, при выдачѣ подобныхъ свидѣтельствъ, спрашивать просителей, къ какому вѣроисповѣданію они принадлежатъ.

Въ 1850 году рижскіе раскольники ходатайствовали, чрезъ князя Суворова, о дозволеніи ихъ дѣтямъ обучаться въ гимназіяхъ и университетахъ. Имъ было это дозволено *не иначе*, какъ по предварительномъ присоединеніи ихъ дѣтей къ православію, и предписано немедленно исключать ихъ изъ заведеній, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ религіознаго охлажденія. Раскольники от-

*) Сейчасъ мы увидимъ, что въ Ригѣ существовала не одна старообрядческая школа, а нѣсколько.

казались отъ просвѣщенія, предложеннаго имъ на подобныхъ условіяхъ.

«Вотъ факты,—замѣчаетъ по этому поводу графъ Орловъ,—достаточные въ глазахъ нашихъ для доказательства того, что не раскольники уклоняются отъ просвѣщенія, а что, наоборотъ, возможность учиться отнята у нихъ».

«Намъ, конечно, могутъ возразить,—замѣчаетъ онъ далѣе,—что примѣръ рижскихъ и московскихъ раскольниковъ еще не говоритъ ничего въ пользу ихъ массы, но намъ кажется, что даже масса ихъ расположена къ просвѣщенію едва ли не болѣе массы православныхъ, или—если даже и не расположена, то ни въ какомъ случаѣ не болѣе всего остальнаго народонаселенія имперіи» *).

Г. Лѣсковъ въ статьѣ своей *Иродова работа* сообщаетъ нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности по дѣлу о закрытіи рижскихъ раскольническихъ школъ. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующую выписку изъ доклада, сдѣланнаго имъ по этому поводу, въ качествѣ чиновника министерства народнаго просвѣщенія:

«Школа, существовавшая (въ Ригѣ) при Гребенщиковскомъ заведеніи, и частныя (старообрядческія) школы закрыты, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго запрещено кому бы то ни было заниматься обученіемъ раскольническихъ дѣтей въ отдѣльномъ помѣщеніи. Правительство было успокоиваемо, что тринадцать тысячъ его русскихъ подданныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія Остзейскимъ краемъ князя Суворова въ Ригѣ не было ни одной русской школы, а въ смѣшанныя школы старовѣры не посылали своихъ дѣтей и учили ихъ кое-какъ по два, по три.

«Дѣти родителей достаточныхъ учились въ своихъ домахъ, а бѣдность, которую, по мѣстному выраженію, подбирали съ улицъ въ Гребенщиковскую школу, осталась на улицахъ русскаго предмѣстья, разсыпалась по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ. Современо съ закрытіемъ школъ, въ винкерахъ русскаго форштата двѣнадцатилѣтнія и даже десятилѣтнія русскія дѣвочки начинаютъ заниматься проституціею; проѣздъ по форштату затрудняется массою ворующихъ мальчишекъ; дѣти устраиваютъ воровскія артели; полиція, подъ предводительствомъ полицей-

*) *Русскія Старина* 1881 г., № 5.

мейстера Грина, дѣлаеть на нихъ облавы; дѣтей ловятъ и записываютъ въ кантонисты»...

Авторъ статьи задается вопросомъ: «Не было ли въ терпимыхъ нѣмцами русскихъ раскольничьихъ школахъ чего-нибудь столько вреднаго, что ихъ надлежало уничтожить, несмотря на все ужасы, которые отъ того послѣдовали? Ни мало! Изъ представленія рижскаго гражданскаго губернатора, г. фонъ-Фелькерзама, генераль-губернатору, барону Палену, видно, что школы (старобрядческія) существовали даже «съ разрѣшенія директора училищъ» и что тамъ учили только «чтенію, письму, да арифметикѣ, и обученныхъ этому мальчиковъ пристраивали въ лавки къ торговцамъ или въ ученики къ ремесленникамъ, а изъ голосистыхъ формировали хоръ для молитвеннаго пѣнія».

Кажется, чего бы проще, чего позволительнѣе и чего полезнѣе? Однако же, это не такъ: школы были закрыты. «По какому именно поводу вздумали закрыть раскольничьи школы, — пишетъ г. Лѣсковъ, — я не нашелъ точныхъ свѣдѣній въ дѣлахъ рижскаго архива, но бывший попечитель общины, Петръ Андреевичъ Пименовъ, говорилъ, что «общество стало просить о расширеніи программы школы и это было причиною къ ея закрытію» (*Историческій Вѣстникъ* 1882 г., № 4).

Впослѣдствіи рижскіе раскольники не разъ предпринимали ходатайства и «осмѣливались просить о благосклонномъ разрѣшеніи школъ». Нѣмецкіе ордунгсгерихтеры поддерживали раскольниковъ въ этихъ ходатайствахъ и съ своей стороны доказывали «необходимость учрежденія особыхъ первоначальныхъ раскольническихъ школъ во всѣхъ обитаемыхъ раскольниками мѣстностяхъ», такъ какъ, по мнѣнію этихъ нѣмецкихъ учреждений, «принуждать раскольниковъ силою отдавать дѣтей въ школы православныя — неудобно». «Но русское православное духовенство, — замѣчаетъ г. Лѣсковъ, — не раздѣляло этой нѣмецкой выдумки и находило, что принуждать — удобно».

Особенно сурово отнесся къ раскольничьимъ школамъ тогдашній архіепископъ рижскій, высокопреосвященный Платонъ. Онъ явно покровительствовалъ тѣмъ изъ священниковъ, которые обнаруживали непріязненное отношеніе къ раскольничьимъ школамъ. Въ числѣ такихъ священниковъ особенно выдавался своею дѣятельностью протоіерей о. Алексѣевъ. Онъ доносилъ преосвященному Платону, что «раскольники весьма желаютъ открывать у себя школы», а «при такомъ настроеніи весьма важно

было бы, если бы мѣстная земская полиція строго слѣдила, чтобы они самовольно не открывали школъ», а «чтобы побудить земскую полицію дѣйствовать такимъ образомъ», отецъ протоіерей рекомендовалъ способъ негласный. Онъ находилъ, что «довольно будетъ, если его свѣтлость г. генераль-губернаторъ (кн. Суворовъ) выразить положительно свое желаніе объ этомъ исправникамъ».

Переходимъ затѣмъ къ болѣе близкому къ намъ времени.

II.

Право на образованіе.

Масса русскаго крестьянства обязана расколу своею грамотностью. «*Благодаря* относительной развитости крестьянства и *вліянію раскола*, — говоритъ П. С. Ефименко, — грамотность здѣсь (въ Архангельской губерніи) значительно привилась и даетъ утѣшительную пропорцію: одинъ грамотный на 17 человекъ сельскихъ жителей губерніи» (*Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи* П. С. Ефименко. Архангельскъ, 1869 г.). Извѣстный оффиціальный изслѣдователь раскола, г. Синицынъ, говоритъ, что у раскольниковъ 1 грамотный приходится на 3 человека неграмотныхъ *). Въ нѣкоторыхъ районахъ, заселенныхъ старообрядцами (напр., въ Гуслицахъ), грамотность составляетъ почти всеобщее достояніе. То же самое встрѣчаемъ мы и въ самыхъ глухихъ, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Вотъ, на примѣръ, что недавно сообщали *Вятскія Губернскія Вѣдомости* о состояніи раскола въ Пинюжанской волости, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи: «*Почти всѣ* (здѣшніе раскольники) умѣютъ читать и писать. На воспитаніе дѣтей и на ихъ образованіе обращается несравненно большее вниманіе, чѣмъ въ средѣ православной... Мальчикъ учится подъ руководствомъ отца, матери или наставника, какого-нибудь почтеннаго, сѣдовласаго старика, который уже бросилъ землю, сдалъ ее общинѣ или домашнимъ и посвятилъ остатокъ своихъ силъ обученію дѣтей грамотѣ и закону. Главные предметы обученія: часословъ, псалтирь и письмо. Въ послѣднее время стали учить «цифири» и *книгамъ гражданской печати*» (*Вятскія Губернскія Вѣдомости* 1883 г., № 6).

*) «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», г. Кельсева, выпускъ IV, стр. 166.

«Русскій мужикъ въ расколѣ получалъ своего рода образованіе, выработалъ своего рода культуру, охотнѣе учился грамотѣ; кругозоръ его расширялся настолько, насколько могло этому содѣйствовать чтеніе священнаго писанія и разныхъ церковныхъ сочиненій, или даже слушаніе толковъ объ этихъ предметахъ. Какъ ни недѣльны казаться могутъ намъ споры о сугубомъ аллилуіа или о восьмиконечномъ крестѣ, но они изощряли способность русскаго простолюдина: онъ мыслилъ, достигалъ того, что могъ обобщать понятія, дѣлать умозаключенія; такъ называемые соборы, на которыхъ раскольники собирались спорить о своихъ недоумѣніяхъ, приучали ихъ къ обмѣну понятій, вырабатывали въ нихъ общительность, сообщали ихъ уму бѣглость и смысленность. Сфера церковная была для нихъ умственною гимнастикою; они получали въ ней подготовку къ тому, чтобы имѣть возможность удачно обратиться и къ другимъ сферамъ» *).

Въ сожалѣнію, всѣ условія общественной жизни раскольниковъ далеко не благопріятствовали такому «обращенію ихъ дѣятельности къ другимъ сферамъ». Напротивъ, вездѣ и повсюду они встрѣчали всевозможныя препоны и преграды. Что, напримеръ, можетъ быть законнѣе стремленія къ образованію? Однако, и здѣсь, въ этой, казалось бы, совершенно нейтральной области, раскольники до сихъ поръ сталкиваются съ непреодолимыми препятствіями.

Въ 1879 году *Новое Время* передавало, что «въ средѣ старообрядцевъ предпринимается вновь, возбуждавшееся уже неоднократно, но остававшееся до сихъ поръ безъ послѣдствій, ходатайство о разрѣшеніи устройства школы для дѣтей старообрядцевъ съ программю, приспособленною къ потребностямъ торговаго сословія». Что касается необходимыхъ для этой цѣли средствъ, то доставить ихъ выражали готовность нѣкоторые изъ представителей московскихъ и петербургскихъ старообрядцевъ. Со времени появленія этого извѣстія прошло четыре года, а о школѣ—ни слуху, ни духу. Несмотря на эти неудачи, раскольники не теряютъ, однако, надежды добиться права на образованіе для своихъ дѣтей.

«Глубоко сознавая необходимость ученія, мы просимъ разрѣшить намъ завести свои собственныя училища, гдѣ наши дѣти,

* Н. И. Костомаровъ: «Исторія раскола у раскольниковъ». Вѣст. Европы 1871 г., № 4.

укрѣпляясь въ вѣрѣ отцовъ своихъ и преданности царю, *изучали бы кромѣ того и другія науки*». Такъ писали въ 1881 году старообрядцы города Хволинска въ запискѣ, поданной ими сенатору И. И. Шамшину, ревизовавшему въ то время Саратовскую губернію. Но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ ихъ голосъ не былъ услышанъ.

Будучи увѣрены, что рано или поздно за ними будетъ, наконецъ, признано право на образованіе, старообрядцы не остаются, однако, безъ школъ. Наоборотъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ они непремѣнно стараются устроить и поддержать свои училища. Мѣстные власти иногда находятъ возможнымъ смотрѣть сквозь пальцы на существованіе и возникновеніе подобныхъ школъ.

Въ Москвѣ, у Тверской заставы, около 15-ти лѣтъ существовала, напримѣръ, небольшая старообрядческая школа, содержавшаяся на частныя средства любительницы просвѣщенія А. С—вой, которая сама занималась и преподаваніемъ. Почтенная труженица, поставившая себѣ задачею знакомить старообрядческихъ дѣтей, преимущественно бѣдныхъ, съ начатками грамотности, вела дѣло съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, тратя свои послѣднія средства на учебныя книги и пособія. За все время своей педагогической дѣятельности г-жа С—ва выпустила изъ своей мужской школы до трехсотъ воспитанниковъ. Хотя школа эта была открыта, выражаясь казеннымъ языкомъ, «безъ надлежащаго разрѣшенія», но почтенную основательницу школы никто не беспокоилъ, и она продолжала благое дѣло, принимая на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ старообрядцевъ, такъ что жилище ея представляло, въ то же время, и школу, и пріютъ. Весною прошлаго 1882 года, во время пожара, случившагося въ той мѣстности, гдѣ находилась школа г-жи С—вой, вмѣстѣ съ другими постройками былъ истребленъ и школьный домикъ - пріютъ. Вслѣдствіе этого педагогическая дѣятельность г-жи С—вой должна была прекратиться: она не имѣла денежныхъ средствъ, чтобы возобновить дѣло. Но тутъ на помощь къ ней немедленно же является мѣстное старообрядческое общество и даетъ необходимыя средства на постройку новаго школьнаго домика. Священникъ Ямскаго старообрядческаго прихода, П. Ѳ. Лапшинъ, предоставилъ въ полную собственность г-жи С—вой довольно обширный участокъ земли, такъ что при школѣ будутъ разбиты садикъ и огородъ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., №№ 16 и 190).

Въ приведенномъ случаѣ мѣстные власти ничѣмъ не обнару-
жили своего вмѣшательства въ дѣло старообрядческой школы.
Къ сожалѣнію, это бываетъ далеко не часто. Вотъ, напримѣръ,
что случилось въ той же Москвѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Старообрядецъ И. И. Шебаевъ открылъ въ 1868 году учи-
лище для дѣтей старообрядцевъ. Училище помѣщалось на По-
кровкѣ, въ мѣстности, населенной старообрядцами; черезъ мѣ-
сяць въ школѣ было уже 40 учениковъ, затѣмъ—80; тутъ были
и мальчики, и дѣвочки. Учредитель школы пригласилъ на свой
счетъ учителя и обставилъ школу всею необходимымъ. Высшая
духовная власть въ Москвѣ ничего не имѣла противъ этого; все
шло прекрасно, и школа съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе
завоевывала къ себѣ довѣріе въ средѣ старообрядческаго на-
селенія.

Число учениковъ расло, такъ что черезъ годъ понадобилось
другое, болѣе просторное помѣщеніе, что и было сдѣлано. Но
тутъ вдругъ начались преслѣдованія. Никакія хлопоты не по-
могли; въ 1869 году, по распоряженію министерства внутрен-
нихъ дѣлъ, полиція предписала закрыть школу, иначе грозила
закрыть силою. Пришлось, конечно, исполнить это требованіе;
сотня учениковъ и ученицъ была разогнана; многія дѣти горько
плакали, покидая школу, къ которой они успѣли привязаться.

Старообрядцы не только не могутъ имѣть своихъ школъ,
своихъ учителей, но даже лишены права помѣщать дѣтей въ
среднія и высшія учебныя заведенія. Это послѣднее ограниченіе
является уже совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ.

Богатые, зажиточные старообрядцы относятся также вполне
сочувственно къ дѣлу народнаго образованія и не отказываются
съ своей стороны жертвовать на это дѣло. Такъ, еще недавно
сообщалось изъ Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, что
«одной изъ лучшихъ школъ въ уѣздѣ» является фабричная школа,
основанная по инициативѣ извѣстнаго фабриканта - старообрядца
Т. С. Морозова. «Успѣхамъ школы много содѣйствуетъ то, что
она хорошо обеспечена въ матеріальномъ отношеніи и изобилуетъ
различными учебными пособиями. Школьная библіотека вмѣщаетъ
въ себѣ лучшія педагогическія сочиненія и все выдающіяся из-
данія для дѣтскаго чтенія. Преподаватели школы, которымъ она
платитъ хорошее содержаніе, втрое почти, чѣмъ въ земскихъ
школахъ, также изъ лучшихъ, способныхъ педагоговъ» (*Русск.
Вѣдом.* 1883 г., № 186). Въ 1880 году, въ селѣ Кудыкинѣ

(Покровскаго уѣзда) «открыто двухклассное училище, благодаря стараніямъ крестьянина Новикова, который принадлежа и сейчасъ къ старообрядчеству, сдѣлалъ доброе дѣло для мѣстнаго населенія, безъ различія религіозныхъ вѣроисповѣданій» (*Русск. Кур.* 1880 г., № 208). Далѣе мы еще не разъ встрѣтимся съ подобными примѣрами.

Стремясь получить право на устройство своихъ собственныхъ школъ, старообрядцы, въ то же время, едва ли не въ большей части случаевъ относятся безъ всякаго предубѣжденія къ существующимъ земскимъ и инымъ народнымъ училищамъ. Они не отказываются пользоваться этими школами и охотно посѣщаютъ ихъ. Въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, дѣти безпоповцевъ въ большомъ количествѣ посѣщаютъ мѣстныя казенныя школы. Въ Бисерскомъ заводѣ (Пермской губерніи), по сообщенію учителя М. И. Вяткина, дѣти раскольниковъ обучаются въ мѣстной земской школѣ, учатся закону Божию, сдаютъ даже экзамены изъ этого предмета, кончаютъ курсъ, и, тѣмъ не менѣе, не покидаютъ раскола.

Изъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, сообщали, что существующая при мѣстномъ Старо-Преображенскомъ монастырѣ школа, со времени своего основанія, выпустила около 900 воспитанниковъ, двѣ трети изъ которыхъ принадлежатъ къ старообрядческимъ дѣтямъ не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ селеній уѣзда. Особеннымъ довѣріемъ старообрядцевъ монастырская школа стала пользоваться съ того времени, какъ въ ней старообрядческимъ дѣтямъ предоставлено право обучаться по старопечатнымъ псалтирямъ и часовникамъ, какъ водится до сихъ поръ повсюду у старообрядцевъ. Помѣщеніе монастырской школы постепенно расширяется, но въ настоящее время въ школѣ нѣтъ уже свободныхъ мѣстъ, вслѣдствіе наплыва дѣтей со всѣхъ сторонъ (*Русскія Вѣдомости* 1880 г., №№ 84 и 102).

III.

Гуслицкія школы.

Гуслицкій край всегда считался зажиточнымъ, что доказывается и внѣшнимъ опрятнымъ видомъ крестьянскихъ построекъ, и вообще сноснымъ мужицкимъ хозяйствомъ. Зажиточность эта, какъ безошибочно можно замѣтить, находится въ тѣсной связи

почти съ поголовною грамотностію здѣшняго населенія. Нигдѣ, надо полагать, не распространена такъ грамотность, какъ въ Гуслицахъ, въ этой старообрядческой Палестинѣ. Въ пятидесяти слишкомъ селеніяхъ, составляющихъ гуслицкій округъ, жители неизмѣнно держатся старовѣрія, составляя основную, надежную паству старообрядческихъ архіереевъ, и грамотность среди здѣшняго старообрядческаго населенія является какъ будто родовымъ, неотъемлемымъ наслѣдствомъ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Возникновеніе гуслицкихъ школъ относится къ временамъ глубокой старины. За долго до открытія земскихъ учреждений, на которыхъ теперь лежитъ попеченіе о народномъ образованіи, въ Гуслицахъ существовалъ не одинъ десятокъ такъ называемыхъ «самородныхъ школъ», которыя разбросаны были по всѣмъ почти селеніямъ Гуслиць. Основаніе этихъ «самородныхъ» разсадниковъ грамотности принадлежитъ исключительно старообрядцамъ, составляющимъ сплошное населеніе этого края (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 9).

Нельзя, конечно, сказать, чтобъ преподаваніе въ этихъ доморощенныхъ школахъ удовлетворяло хотя на половину современнымъ педагогическимъ требованіямъ; но, тѣмъ не менѣе, гуслицкія старообрядческія школы принесли, все-таки, громадную пользу, поддерживая въ теченіе двухъ слишкомъ вѣковъ грамотность въ мѣстномъ населеніи. Въ этихъ школахъ до настоящаго времени неизмѣнно преподавалось одно и то же—чтеніе по церковно-славянскимъ книгамъ, каллиграфія и, вдобавокъ, крюковое древне-церковное пѣніе,—словомъ, та самая «грамота», которую читалась древняя Русь.

Преподавателями въ гуслицкихъ старообрядческихъ школахъ состоятъ мѣстные грамотѣи и книжники, любители просвѣщенія, трудящіеся надъ этимъ дѣломъ, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ учителями являются дѣвушки-келейницы, удалившіяся отъ мірской жизни. Не мудрствуя лукаво, онѣ знакомятъ старообрядческихъ дѣтей просто съ грамотностью, съ механическимъ чтеніемъ, и не берутся даже разъяснять смыслъ прочитаннаго. Такое обученіе можно, пожалуй, назвать безтолковымъ, но, однако, отнюдь нельзя утверждать, чтобъ изъ него не выходило никакой пользы. Польза доказывается и промышленною предприимчивостію здѣшняго населенія, и большимъ процентомъ здѣшнихъ грамотныхъ на сторонѣ, занимающихъ выдаю-

щіяся мѣста на фабрикахъ и по торговлѣ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что старообрядческимъ педагогамъ пускаться въ объясненія съ воспитанниками было весьма рискованно и даже опасно. На подобную просвѣтельную дѣятельность полиція и православное духовенство смотрѣли обыкновенно какъ на пропаганду раскола; взгляды эти, къ сожалѣнію, не выдохлись еще и по сіе время. Запугиванія и непосильныя контрибуціи были дѣломъ обычнымъ; нерѣдко возникали и преслѣдованія, приводившія къ печальному исходу безкорыстныхъ тружениковъ просвѣщенія. Но, наперекоръ всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ, старообрядческія школы оказались неискоренимыми; исторія этихъ скромныхъ разсадниковъ просвѣщенія изобилуетъ фактами, представляющими глубокій интересъ для всѣхъ, кого только занимаетъ историческая судьба русской народной мысли.

На ряду съ только что описанными «самородными» школами чисто примитивнаго устройства, у старообрядцевъ въ послѣднее время все чаще и чаще возникаютъ училища, правильно организованныя и прекрасно обставленныя въ педагогическомъ отношеніи. Къ числу такихъ школъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести училище, основанное старообрядцемъ Дмитріевымъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи.

Крестьянинъ деревни Зуевой, Будыкинской волости, старообрядецъ Романъ Зиновьевичъ Дмитріевъ открылъ въ сосѣдней деревнѣ Іоновой превосходную старообрядческую школу на 50 мальчиковъ. Обученіе въ школѣ безплатное. Дѣти принимаются безъ всякаго разбора: тутъ есть и дѣти старообрядцевъ, и дѣти православныхъ. Направленіе школы отличается полнѣйшею вѣротерпимостью, что доказываетъ разнообразный выборъ учебныхъ пособій, которыми въ изобиліи снабжена школа: вмѣстѣ со старинными псалтирями и часовниками, въ школѣ имѣются подобныя же книги новѣйшихъ изданій, равно какъ и учебники Ушинскаго, Паульсона и другихъ извѣстныхъ русскихъ педагоговъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

Едва успѣли открыть эту школу, какъ она уже оказалась переполненною учащимися. Вслѣдствіе этого основатель школы долженъ былъ перевести ее въ новое, болѣе обширное помѣщеніе. Преподаваніе въ школѣ было поручено учителю-старообрядцу изъ мѣстныхъ крестьянъ, которому г. Дмитріевымъ назначено жа-

лованье 25 рублей въ мѣсяцъ. Дѣти бѣднѣйшихъ старообрядцевъ находятъ для себя въ школѣ все готовое: книги, бумагу, перья, учебники и проч. Видное мѣсто въ обученіи занимаетъ каллиграфія. Желающимъ преподается древне-церковное нѣніе, съ которымъ основательно знакомъ преподаватель школы А. П. Гусевъ. Мѣстное старообрядческое населеніе отвеслось къ предпріятію г. Дмитріева весьма сочувственно; богатые фабриканты-старообрядцы: В. Е. Морозовъ, Зимины и г-жа Морозова не мало содѣйствовали ему въ открытіи училища; сельскій староста деревни Юновой предложилъ для школы собственный, очень просторный домъ. Попечитель школы, г. Дмитріевъ, не жалѣлъ съ своей стороны средствъ на дѣло образования; онъ постоянно посѣщалъ школу и внимательно слѣдилъ за успѣхами въ ней.

«Отличные успѣхи школы сказались на первыхъ же порахъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220). Однако, несмотря на это, судьба школы отнюдь не могла считаться обезпеченной; напротивъ, все болѣе и болѣе росли слухи о томъ, что школѣ «почему-то угрожаетъ закрытіе». Мѣстная администрація обратила на школу особенное вниманіе. Произведено было тщательное дознаніе о возникновеніи школы, обревизованы учебныя старопечатныя старообрядческія, а также и старообрядческаго писанія книги, въ которыхъ ничего вреднаго и противозаконнаго, однако, не обнаружено. Надобно замѣтить, что старообрядческое общество деревни Кудыкиной, чтобъ оформить существованіе школы, основанной г. Дмитріевымъ, составило общественный приговоръ о необходимости имѣть училище, съ полнымъ обезпеченіемъ относительно его содержанія.

Но и это не помогло дѣлу. Волостное начальство не рѣшалось засвидѣтельствовать общественный приговоръ, находя какія-то препятствія. Затѣмъ приговоръ былъ представленъ въ уѣздный училищный совѣтъ, который, не находя, будто бы, «законнаго основанія», затруднился закрѣпить существованіе школы. Наконецъ, вся переписка о старообрядческой школѣ была препровождена въ министерство народнаго просвѣщенія; рѣшеніе котораго по этому вопросу намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Между тѣмъ, мѣстныя власти не оставляли въ покоѣ школу, и она, какъ сообщалось въ газетахъ, «подверглась оналѣ со стороны полиціи». Въ одинъ прекрасный день въ училище явился уѣздный исправникъ и лично произвелъ ревизію школы, опрашивалъ учителя, рассматривалъ учебники и т. п. Понятно, что

ничего «подозрительнаго» въ школѣ не оказалось (*Русскія Вѣдомости* 1881 г., №№ 267 и 307).

Школа г. Дмитріева не является одиночнымъ явленіемъ въ Покровскомъ уѣздѣ; напротивъ, можно указать нѣсколько подобныхъ старообрядческихъ школъ, возникшихъ въ самое послѣднее время въ этомъ районѣ. Въ числѣ этихъ школъ, по образцовому устройству, первое мѣсто слѣдуетъ отнести народной школѣ, основанной старообрядцемъ Жаровымъ въ селѣ Перникахъ, Покровскаго уѣзда; подробнѣе о ней мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Что же касается болѣе мелкихъ школъ, то онѣ постоянно возникаютъ среди старообрядческаго населенія.

Такъ, на примѣръ, еще недавно возникло старообрядческое училище въ селѣ Кабановѣ, Кудыкинской волости. Затѣмъ старообрядцы многолюдной деревни Губинской рѣшили также открыть у себя школу и, не догло думая, привели свое рѣшеніе въ исполненіе. Они выписали учителя изъ Гуслиць, заарендовали удобное помѣщеніе для школы, и дѣло уже на ходу: «въ два-три дня набѣжало около двухъ десятковъ ребятишекъ».

Слѣдуетъ еще отмѣтить одну особенность гуслицкаго старообрядческаго района,—это именно существованіе въ немъ подвижныхъ школъ, бродячихъ учителей, кочующихъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню. Объ одномъ изъ такихъ учителей недавно сообщалось въ газетахъ. Крестьянинъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, Архипъ Карташевъ, проживавшій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и вернувшись на родину, взялся за преподаваніе грамоты крестьянскимъ дѣтямъ. Сперва онъ жилъ въ своей деревнѣ, потомъ переехалъ въ сосѣдній Покровскій уѣздъ и провелъ зиму въ селеніи Язвицахъ, а затѣмъ перекочевалъ въ ближайшую деревню Губинскую. По окончаніи лѣтнихъ домашнихъ работъ, онъ снова намѣренъ вернуться въ Покровскій уѣздъ и заняться обученіемъ дѣтей въ Кудыкинѣ или Высокомъ (*Русск. Вѣдом.* 1883 г.). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ упоминаемыя въ этомъ извѣстіи села и деревни являются главными центрами мѣстнаго раскола, а нѣкоторыя изъ нихъ населены почти исключительно одними старообрядцами.

IV.

Преграды и тормазы.

Учителя и руководители старообрядческихъ школъ ежеминутно должны были опасаться преслѣдованій со стороны полиціи

или духовенства за свою педагогическую дѣятельность, которая обыкновенно приравнивалась къ «распространенію раскола», къ «совращенію изъ православія» и т. п. А какъ тяжко подобныя обвиненія отражались на судьбѣ лицъ, подвергшихся имъ, можетъ показать слѣдующій случай.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1881 года, въ городѣ Глазовѣ, Вятской губерніи, въ засѣданіи временнаго отдѣленія вятскаго окружнаго суда, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ шестидесятилѣтній старецъ, «раскольническій монахъ поповской секты, австрійскаго согласія», Проконій Соколовъ. Онъ обвинялся въ распространеніи раскола, которое выразилось въ томъ, что Соколовъ у себя въ квартирѣ «училъ дѣтей грамотѣ и религіи». По сообщенію корреспондента, старецъ этотъ проживалъ около Березовскихъ починковъ. Глушь безпросвѣтная: ни школъ, ни больницъ, ничего хоть сколько-нибудь напоминающаго о прикосновеніи цивилизаціи; населеніе состоитъ изъ пермяковъ и русскихъ, большинство которыхъ придерживается раскола. Расколъ здѣсь явился ранѣе православія; въ него обращены очень многіе изъ пермяковъ - язычниковъ. Если вѣрить корреспонденту, на судѣ даже не справились: чѣмъ именно дѣтей обучалъ Соколовъ—православныхъ или раскольничьихъ. Соколовъ обвинялся въ совращеніи въ расколъ нѣсколькихъ человѣкъ, но ни одинъ изъ совращенныхъ не былъ представленъ на судѣ; мало того, эти лица не были даже указаны какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, судъ вынесъ обвинительный приговоръ и Соколовъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край. За кулисами суда, на замѣчанія корреспондента по поводу приговора, одинъ изъ священниковъ съ довольнымъ видомъ воскликнулъ: «а все же таки обвинили!» (*Русскій Курьеръ* 1881 г., № 81).

Впрочемъ, гораздо чаще дѣла о раскольничьихъ школахъ и учителяхъ кончаются лишь тѣмъ, что школы закрываются, а учителя обязываются подпискою «впредь никого ничему не обучать».

Намъ извѣстенъ, на примѣръ, такой случай, имѣвшій мѣсто въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Въ Нижне-Сергичскомъ заводѣ поселился старообрядецъ, «крестьянинъ Михай Алексѣевичъ Поповъ, и началъ обучать грамотѣ ребятъ. Вскорѣ у него набралось до 20-ти учениковъ, которые охотно и правильно навѣщали эту импровизированную школу. Родители были какъ нельзя болѣе довольны учителями-волонтерами и все шло прекрасно. Но о школѣ узналъ мѣстный священникъ и настоятель

на томъ, чтобы становой приставъ немедленно же запретилъ Попову обученіе дѣтей. Вслѣдствіе этого съ Попова была взята подписка, въ которой онъ обязывался «впредь отнюдь никого грамотъ не обучать».

Иногда развязка подобныхъ дѣлъ осложняется еще установленіемъ болѣе или менѣе строгаго полицейскаго надзора за лицами, уличенными въ педагогическихъ наклонностяхъ. Приведемъ здѣсь содержаніе дѣла, найденнаго нами при занятіяхъ въ одномъ изъ уральскихъ архивовъ.

Екатеринбургскій миссіонеръ, протоіерей Николай Смирновъ, донесъ въ 1866 г., что крестьянинъ деревни Губернской, Кузнецкаго прихода, Екатеринбургскаго уѣзда, Николай Зотиковъ Фирсановъ «открылъ въ своемъ домѣ подъ своимъ руководствомъ обученіе восьми крестьянскихъ мальчиковъ по старопечатнымъ псалтирямъ съ раскольническимъ направленіемъ». При этомъ миссіонеръ пояснялъ, что въ Кузнецкомъ приходѣ «считается раскольниковъ всего три дома, въ которыхъ дѣтей мужскаго пола вовсе нѣтъ; а потому *должно полагать*, что крестьянинъ Фирсановъ обучаетъ дѣтей православныхъ родителей и, вмѣстѣ съ обученіемъ ихъ грамотъ, посѣваетъ въ нихъ расколъ».

Духовная консисторія поручила миссіонеру «строго слѣдить за дѣйствіями Фирсанова и если окажется хотя малѣйшее уклоненіе изъ православія—немедленно донести объ этомъ». Въ то же время, пермскій преосвященный архіепископъ Неофитъ счелъ долгомъ сообщить обо всемъ этомъ губернатору. Послѣдній предписалъ екатеринбургскому исправнику «произвести дознаніе о дѣйствіяхъ крестьянина Фирсанова и если донесеніе миссіонера подтвердится, тотчасъ же запретить ему заниматься обученіемъ дѣтей, въ чемъ и обязать его подпискою». Затѣмъ, независимо отъ сего, учредить за нимъ строгій надзоръ, чтобы онъ и впредь не могъ и т. д.

На это исправникъ донесъ, что обвиненіе вполне подтвердилось; «свидѣтельства же на обученіе Фирсановъ никакого не имѣлъ и не имѣетъ», вслѣдствіе чего онъ «обязанъ подпискою, чтобы обученія дѣтей отнюдь не производить, а за дѣйствіями его учрежденъ строгій надзоръ».

Учебное вѣдомство также весьма неблагоклонно относится къ существованію старообрядческихъ школъ. Даже тѣ школы, которыя хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего сектантскаго, но разъ онѣ основаны старообрядцемъ, то со стороны учебнаго вѣдомства встрѣчаютъ разныя затрудненія.

Старообрядецъ В. Я. Жаровъ въ 1880 году построилъ въ своемъ селѣ (Перники, Покровскаго уѣзда) превосходную школу, болѣе чѣмъ на сто учениковъ (мальчиковъ и дѣвочекъ), обставилъ ее большими удобствами въ гигиеническомъ отношеніи (при школѣ дворъ, огородъ и садъ) и снабдилъ различными учебными пособіями; земство прислало учителя, и дѣло пошло въ ходъ *). Но школа, къ сожалѣнію, существовала недолго: въ первыхъ же числахъ января она, по распоряженію покровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, была закрыта. Распоряженіе это сильно озадачило мѣстныхъ жителей. Оказалось, что закрытіе школы мотивировано тѣмъ, что крестьяне отказали въ уплатѣ добавочнаго содержанія учителю, въ размѣрѣ 50-ти рублей. Вышло недоразумѣніе, которое печально отразилось на школѣ. Крестьяне потому только не уплатили денегъ, что были вполне увѣрены въ томъ, что основатель и попечитель школы, г. Жаровъ, все уплатилъ и уплатитъ самъ, безъ всякой помощи съ чьей бы то ни было стороны. Но такъ какъ все это случилось въ отсутствіе г. Жарова, то понятно, что онъ не могъ помочь дѣлу. «Если г. Жаровъ, — писали по этому поводу въ *Русск. Вид.*; — затратилъ на школу до 3-хъ тысячъ рублей, если онъ постоянно помогалъ училищамъ, то неужели онъ позволилъ бы закрыть свою школу изъ-за 50-ти рублей? Училищный совѣтъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенную неспѣшность, не увѣдомивъ даже о своемъ рѣшеніи и попечителя школы» (*Русск. Вид.* 1883 г., № 34).

Отсюда намъ будетъ понятно, почему раскольничьи школы, существовавшія въ прежнее время всюду, гдѣ только были старообрядцы, теперь начинаютъ исчезать, приходятъ въ упадокъ. Еще недавно сообщалась въ газетахъ, что старообрядческія школы, существовавшія въ селеніяхъ: Бѣливѣ, Мисцовѣ, Заполицахъ, Слободищахъ и Завольномъ, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, въ настоящее время совсѣмъ упали.

Между тѣмъ, польза, приносимая этими школами, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; имъ обязано населеніе Гуслицъ своею поголовною грамотностью. Отсутствіе вѣротерпимости и существованіе старыхъ, отжившихъ законовъ относительно раскола губительно отозвались на школахъ, все несчастіе и вина которыхъ состояла только въ томъ, что онѣ числились старообрядческими (*Русск. Вид.* 1883 г., январь):

*) «Голосъ» 1880 г., № 98.

Подобное отношеніе къ просвѣтительнымъ стремленіямъ старообрядчества является тѣмъ болѣе необъяснимымъ, что извѣстные официальные отчеты по духовному вѣдомству изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, повторяютъ на тысячу ладовъ мысль о томъ, что «лучшее орудіе» въ борьбѣ съ сектантствомъ и «вѣрнѣйшее средство для искорененія раскола» есть образованіе народа.

Несмотря, однако, на всевозможныя неблагопріятныя условія, въ старообрядствѣ крѣпко держится сознаніе о крайней, безотлагательной необходимости образованія. Въ собраніяхъ московскаго «старообрядческаго братства», отъ времени до времени, постоянно возбуждается вопросъ о необходимости старообрядческихъ школъ. Годъ тому назадъ, напримѣръ, членъ братства П. Я—въ «полагалъ обязанностію старообрядческаго общества просить правительство о дозволеніи старообрядцамъ имѣть собственныя школы, каковыми пользуются другіе иновѣрцы». Я—въ доказывалъ ненормальность такого порядка вещей, при которомъ старообрядцы вынуждены «производить обученіе своихъ дѣтей домашнимъ образомъ или же въ тайныхъ школахъ, такъ какъ имѣть открыто школы безъ надлежащаго дозволенія воспрещается вообще, о старообрядцахъ же и говорить нечего».

Другой членъ братства, Д—въ, предложилъ открыть школу при Рогожскомъ кладбищѣ, по поводу чего и предполагается хлопотать. Вообще собраніе единогласно признало неотложную нужду въ школахъ и стѣсненіе въ этомъ отношеніи нашло несправедливымъ (*Русск. Вѣд.* 1882 г., отъ 30 января).

V.

Типографіи.

Когда въ царствованіе Екатерины II послѣдовало разрѣшеніе открывать «вольныя типографіи», старообрядцы не замедлили воспользоваться этимъ правомъ и устроили цѣлый рядъ типографій — въ Вильнѣ, Острожскѣ, Новгородсѣверскѣ, въ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ этихъ типографіяхъ старообрядцы печатали точныя копіи съ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ при патриархѣ Іосифѣ, и снабжали этими книгами старообрядческія молельни, раскиданныя по всему пространству земли русской. Но это продолжалось недолго.

Императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго французскою революціею, какъ извѣстно, издалъ въ 1797 году указъ, запрещающій «партикулярныя типографіи», вслѣдствіе чего всѣ частныя, вольныя типографіи были немедленно и повсюду закрыты. Этой участи не избѣжали, конечно, и старообрядческія типографіи; всѣ онѣ были конфискованы. Несмотря, однако, на кратковременность своего существованія, онѣ успѣли издать значительное количество богослужебныхъ и иныхъ книгъ духовнаго содержанія, перепечатанныхъ съ древнѣйшихъ изданій.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію правительства, клинцовская старообрядческая типографія была переведена въ Москву и передана въ вѣдѣніе московской Троицко-Введенской единовѣрческой церкви, что у Салтыкова (иначе Яузскаго) моста. Здѣсь типографія начала работать съ 1822 года. Печатались преимущественно богослужебныя книги дословно со старопечатныхъ и совершенно одинаковымъ съ ними шрифтомъ.

Сначала старообрядцы отнеслись весьма недовѣрчиво къ изданіямъ московской типографіи, «гнушались» ихъ и почти вовсе не покупали издаваемыхъ ею книгъ, подозрѣвая въ нихъ искаженіе стараго текста. Только вполне добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу со стороны лицъ, завѣдывавшихъ типографскимъ дѣломъ, убѣдило, наконецъ, старообрядцевъ въ безусловной вѣрности текста книгъ московскаго изданія съ книгами, тисненными при патриархѣ Іосифѣ. Тогда явился большой спросъ на книги и онѣ вошли въ употребленіе во многихъ старообрядческихъ молитвенныхъ домахъ. Московскіе книгопродавцы отправляли ихъ цѣлыми транспортами (*Голосъ* 1880 г., № 331).

Вслѣдствіе постоянного спроса на старопечатныя книги, единовѣрческая типографія постепенно расширила свою дѣятельность и, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ старообрядцевъ, произвольно возвышала цѣны на свои изданія. Старообрядцы по необходимости принуждены были мириться съ этимъ и платить за книги вдвое противъ прежняго. Благодаря типографіи, единовѣрческая Введенская церковь скопила громаднѣйшій капиталъ, часть котораго шла, между прочимъ, на разныя благотворительныя дѣла. Такъ, напри- мѣръ, попечитель церкви, И. Н. Рыжковъ, устроилъ при церкви на доходы типографіи училище для бѣднѣйшихъ старообрядческихъ дѣтей и богадѣльню. Изъ тѣхъ же доходовъ почти ежегодно отдѣлялась значительная сумма на поддержаніе единовѣрческихъ церквей въ западномъ краѣ.

Непомѣрно дорогія цѣны, назначаемыя за книги единовѣрческою типографіею, заставили старообрядцевъ ходатайствовать о разрѣшеніи имъ открыть свои собственныя типографіи. Но всѣ ихъ хлопоты по этому поводу потерпѣли самое рѣшительное фіаско. Тогда они вынуждены были прибѣгнуть къ открытію тайныхъ, подпольныхъ типографій.

И вотъ мы видимъ, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ центрахъ старообрядчества заводятся тайныя типографіи и печатни, въ которыхъ изготовляются богослужбеныя книги до-никоновской редакціи. Многія изъ этихъ типографій были обнаружены полиціею и владѣльцы ихъ подверглись аресту и суду. Въ 1868 году, 21 октября, была открыта въ Москвѣ хорошо устроенная тайная старообрядческая типографія. Въ 1880 г., московскій окружный судъ разсматривалъ дѣло о старообрядцѣ Овчинниковѣ, который также обвинялся въ устройствѣ тайной старообрядческой типографіи. Въ прошломъ 1882 году, *Русскимъ Вѣдомостямъ* сообщали изъ Балахны, Нижегородской губерніи, что въ деревнѣ Новинкахъ, Мысовской волости, въ домѣ старообрядца крестьянина Егора Михайлова была открыта тайная печатня раскольническихъ богослужбеныхъ книгъ. Печатня Михайлова была замаскирована устройствомъ столярной и иконописной мастерской, и цомѣщалась въ подвалѣ.

При всѣхъ этихъ арестахъ было несомнѣнно дознано, что ни въ одной изъ тайныхъ старообрядческихъ типографій «ничего вреднаго печатаемо не было», и вся дѣятельность ихъ ограничивалась лишь дословною перепечаткою книгъ, изданныхъ при первыхъ пяти московскихъ патріархахъ. И они дѣлали это настолько аккуратно, что даже духовныя консисторіи не могли отличить книгъ, вышедшихъ изъ нелегальныхъ старообрядческихъ типографій, отъ изданныхъ въ прежнее время въ дозволенныхъ правительствомъ типографіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, «раскольническія богослужбеныя книги» строго преслѣдовались; въ нашемъ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій до сихъ поръ находится такая статья: «запрещается печатать и продавать раскольническія богослужбеныя книги; но дозволяется, пріобрѣтать и продавать печатаемыя въ учрежденной особой типографіи въ Москвѣ богослужбеныя книги, сходныя съ старопечатными» (53 ст.).

Мѣстныя власти строго слѣдили за точнымъ исполненіемъ этого закона; однако, старообрядцы находили тысячи путей и

средствъ такъ или иначе обойти эти стѣсненія. И вотъ мы видимъ, что синодъ то и дѣло жалуется на недостатокъ надзора и энергіи со стороны полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія старообрядцевъ за распространяемыя ими книги.

Такъ, въ январѣ 1857 года, синодъ писалъ симбирскому просвященному: «Уставомъ о пред. и прес. прест. запрещается печатать и продавать раскольничьи богослужебныя книги, а привозимыя изъ-за границы велѣно конфисковать и отсылать въ св. синодъ; надзоръ же за непечатаніемъ въ типографіяхъ книгъ и сочиненій, цензурою недозволенныхъ, равно за необращеніемъ ихъ въ продажѣ въ книжныхъ лавкахъ и т. п.—возложенъ на полицію. Но, вопреки этому, происходитъ явная торговля на ярмаркахъ и въ лавкахъ раскольничьими иконами и книгами, а особенно на Нижегородской ярмаркѣ, куда пріѣзжаютъ раскольники одни для продажи, а другіе для покупокъ, и все это, равно и распространеніе между ними рукописныхъ книгъ, происходитъ безъ всякаго преслѣдованія» *).

Конечно, подобныя сѣтованія не проходили безслѣдно; послѣдствія ихъ обыкновенно сказывались на раскольникахъ самымъ ощутительнымъ образомъ.

VI.

Книжное дѣло въ расколѣ.

Въ 1874 году, въ городѣ Симбирскѣ, во время ярмарки, полиція произвела обыски въ книжныхъ лавкахъ Большакова, старообрядца Перевощикова и Хетякова, причемъ нашла нѣсколько богослужебныхъ книгъ собственно старообрядческой печати. На этихъ книгахъ значилось указаніе, что онѣ отпечатаны въ типографіи Почаевской лавры, гдѣ въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно печатались старообрядческія книги.

Симбирская духовная консисторія, куда препровождены были арестованныя книги на разсмотрѣніе, признала ихъ безусловно «раскольничьими», несмотря на то, что бѣольшая часть конфискованныхъ книгъ принадлежала къ числу рѣдкихъ изданій старопечатной литературы, тисненыхъ во времена первыхъ пяти московскихъ патріарховъ. Съ отзывомъ духовной консисторіи согласилась и Почаевская лавра.

*) „Собраніе постановленій по расколу, состоявшихся по вѣдомству св. синода“. СПб., 1858.

Всѣхъ книгъ полиціей арестовано было слишкомъ на 10,000 р. Предварительное слѣдствіе по этому дѣлу тянулось цѣлыя пять лѣтъ. Изъ обвиняемыхъ на судъ явились лишь Большаковъ и Хватковъ; Перевощиковъ оказался умершимъ. На вопросъ предсѣдателя суда о виновности, подсудимые виновными себя не признали. Хватковъ объяснилъ, что онъ торговалъ книгами по порученію Большакова и въ сущность книгъ вникалъ очень мало.

Подсудимый Большаковъ (членъ и соревнователь различныхъ историческихъ и археологическихъ обществъ, коммисіонеръ Императорской публичной библіотеки и Румянцевскаго музея) объяснилъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ никакого преступленія не видитъ: онъ торговалъ, какъ торгуешь и теперь книгами, хотя и безцензурнаго изданія, но, все-таки, дозволенными, употребляющимися не только въ старообрядческихъ молельняхъ, но и въ единовѣрческихъ церквахъ.

«Дѣло это, — сказалъ далѣе обвиняемый, — возникло по жалобѣ московской единовѣрческой типографіи, которой предоставлена монополія по изданію богослужебныхъ старообрядческихъ книгъ». Во время обыска и ареста полиція забирала все безъ разбора, и на протестъ подсудимаго, лишившагося въ этомъ случаѣ цѣлой половины своего достоянія, полицейскій чиновникъ Орловскій отвѣчалъ: «въ консисторіи разберутъ!»

Затѣмъ обвиняемый Большаковъ представилъ въ свое оправданіе то, что въ конфискованныхъ у него книгахъ ничего вреднаго, противозаконнаго нѣтъ, что онѣ состоятъ изъ молитвъ и церковнаго чиновленія; что полиція, по незнакомству съ дѣломъ, арестовала у него весьма цѣнные экземпляры древнихъ изданій, чѣмъ нанесла ему крупныя убытки. Далѣе на вопросы предсѣдателя суда Большаковъ высказалъ, что отобранныя у него книги дѣйствительно изданы безъ дозволенія цензуры; онѣ печатались въ разныхъ типографіяхъ и въ разное время, еще до существованія цензуры, возникшей лишь въ прошломъ столѣтіи; во многихъ книгахъ заглавные листы, за давностью времени, утрачены, почему трудно даже опредѣлить время ихъ выхода въ свѣтъ.

Самбирская духовная консисторія, обозвавъ всѣ книги огуломъ «раскольническими», внала, по словамъ подсудимаго, въ явную ошибку, такъ какъ въ числѣ конфискованныхъ книгъ было много такихъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ расколу, какъ, напримѣръ, «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича», изданное въ 1649 году, и другія, выпущенныя до цензурнаго времени.

Однако, несмотря на все это, прокуроръ поддерживалъ обвиненіе и просилъ судъ примѣнить къ подсудимымъ 205-ю статью уложенія о наказаніяхъ, старопечатныя книги, не относящіяся до раскола, вродѣ «Уложенія царя Алексѣя Михайловича» и другія, возвратить подсудимымъ, а богослужебныя книги, употребляющіяся въ раскольническихъ молебняхъ, передать въ мѣстную консисторію.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, окружный судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: виновныхъ въ распространеніи раскольническихъ богослужебныхъ книгъ—московскаго купца Большакова подвергнуть, на основаніи 205-й ст. улож. о наказ., денежному взысканію въ размѣрѣ 200 рублей, а въ случаѣ несостоятельности, тюремному заключенію на два мѣсяца; крестьянина Хваткова подвергнуть денежному взысканію въ 15 рублей или аресту на три дня.

Само собою понятно, что подсудимые никакъ не могли остаться довольны подобнымъ приговоромъ, и, главнымъ образомъ, потому, что судъ въ своемъ рѣшеніи совершенно игнорировалъ вопросъ о возвращеніи Большакову конфискованныхъ у него въ складѣ, вмѣстѣ съ мнимо-раскольничьими книгами, другихъ, весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій.

Большаковъ обжаловалъ приговоръ симбирскаго суда и перенесъ дѣло въ казанскую судебную палату. Но и палата ограничилась лишь примѣненіемъ къ Большакову наказанія за распространеніе, посредствомъ продажи, раскольническихъ книгъ; что же касается просьбы обвиняемаго возвратить ему неправильно конфискованныя у него изданія, то палата также не постановила точнаго опредѣленія по этому пункту.

Тогда Большаковъ обратился со всеподданѣйшею просьбою къ Государю Императору. По Высочайшему повелѣнію, жалоба его передана была на разсмотрѣніе св. синода, которымъ опредѣлено: возвратить Большакову неправильно арестованныя у него книги, о чемъ и было предписано симбирской духовной консисторіи.

Не слѣдуетъ думать, что дѣло Большакова является исключительнымъ; напротивъ, подобнаго рода дѣла и по настоящее время то и дѣло возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, газетами было передано слѣдующее извѣстіе изъ города Ростова, Ярославской губерніи: «На-дняхъ, здѣшняя ярмарочная полиція произвела осмотръ книжной лавки П. В. Просвирина, изъ Иваново-Вознесенска, и

нашла у него богослужебныя книги, напечатанныя въ тайныхъ старообрядческихъ типографіяхъ. Весь книжный товаръ у Просвирина конфискованъ» (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 76).

Затѣмъ вскорѣ въ газетахъ появились слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія по поводу этого происшествія. Книгопродавецъ Просвирина ежегодно посѣщалъ Ростовскую ярмарку и торговалъ все одиными и тѣми же книгами, исключительно духовнаго содержания и преимущественно богослужебными—старопечатными и новѣйшаго тисненія. Въ нынѣшнемъ году, едва только Просвирина разобрался съ своимъ книжнымъ товаромъ, къ нему немедленно нагрянула полиція и арестовала книги, которыя свезены были въ полицейское управленіе.

Соборный священникъ, приглашенный разсмотрѣть конфискованныя книги, по незнакомству съ старопечатными изданіями, изготовляющимися въ московской единовѣрческой типографіи, далъ заключеніе, что это книги раскольническія. Тогда былъ составленъ актъ и дѣло передано судебному слѣдователю. Къ счастью Просвирина, прокурорскій надзоръ, усмотрѣвъ неосновательность привлеченія Просвирина къ слѣдствію, предписалъ дѣло прекратить. Однако, «конфискованныя книги препровождены въ ярославскую духовную консисторію и Просвирина лишены почти всего достоянія» (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 81).

Нужно ли добавлять, что подобныя мѣры ни мало не достигаютъ своей цѣли? Изъ слѣдующей главы мы увидимъ, какое широкое распространеніе получила въ народѣ такъ называемая «раскольническая литература».

VI.

Раскольническая литература.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ въ 1879 году, былъ отдѣлъ поморскихъ старообрядческихъ народныхъ школъ. Здѣсь будетъ кстати привести описаніе этого отдѣла, сдѣланное въ свое время газетою *Голосъ*.

«Врядъ ли гдѣ-нибудь еще, кромѣ выставки, можно встрѣтить такое богатое собраніе старообрядческихъ рукописей поморскаго толка, распространеннаго среди раскольниковъ-безпоповцевъ, населяющихъ Архангельскую и Олонецкую губерніи. Между

книгами, которыя, замѣтите, всѣ рукописныя, есть вполнѣ замѣчательныя какъ по содержанію, такъ и по превосходному выполненію «заставицъ», оригинальный рисунокъ которыхъ, своимъ изяществомъ и тонкостью отдѣлки, можетъ поспорить съ печатными книжными орнаментами нашего времени. Отчетливость письма-печати изумительна; она, случается, до того мелка, что ее можно сравнить съ самымъ мелкимъ петитомъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что поморскіе писатели — воспитанники своихъ народныхъ (старообрядческихъ) школъ, и что все здѣсь собранное есть произведеніе конца XVII и XVIII вѣковъ.

«Поморская раскольниковая литература представлена тутъ, между прочимъ, слѣдующими экземплярами *писа*. *Поморскіе отвѣты на вопросы монаха Неофита*, — книга, какъ и многія другія, писанная Андреемъ Денисовымъ, портретъ котораго можно тутъ же встрѣтить въ числѣ поморянъ. Потомъ замѣчательны по миниатюрному письму: *Мечъ духовный*, *Поморскія святыи*, съ біографіями многихъ святыхъ, о которыхъ не упоминается въ четьи-минеяхъ и которые, слѣдовательно, признаются святыми только у поморянъ: Таковы, на примѣръ, Левкій на Рузѣ, память котораго празднуется 17 іюля, Варлаамъ Березкій, Варнава Ветлужскій, Анна, кашинская княжна, и другіе, — всѣхъ до пятнадцати. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе: поморская *Риторика съ образцами краснорѣчія*, собраніе привѣтствій, поздравленій и проч., — книга, составленная разными настоятелями поморскихъ обителей и писанная въ женскомъ монастырѣ въ Лексѣ. Тутъ же можно встрѣтить нѣсколько свитковъ, по 60 аршинъ длины въ каждомъ; въ этихъ рукописныхъ свиткахъ, болѣею частью, изображены различныя сказанія объ антихристѣ, о перстосложеніи и проч. Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе и коллекція рисунковъ духовнаго содержанія, черченныхъ рукою поморскихъ мастеровъ, затѣмъ изображеніе поморскихъ скитовъ: Лексинскаго и Выгорѣцкаго. По нимъ легко ознакомиться съ планами и характеромъ построекъ XVII вѣка. Далѣе идетъ *Родословное дерево* знаменитаго у поморцевъ Андрея Денисова; дерево указываетъ, что этотъ краснорѣчивый проповѣдникъ и знаменитый поморскій толковникъ былъ потомокъ князей Мышецкихъ. Изъ портретовъ поморянъ очень недурень и весьма интересень акварельный портретъ Павла Любопытнаго» (*Голосъ* 1879 г., № 126).

Среди сельскаго населенія Владимірской губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, можно встрѣтить цѣлую массу старообрядцевъ, держа-

щихся различныхъ согласій и толковъ. «Особенно густо населены старообрядцы въ мѣстности, извѣстной подъ собирательнымъ именемъ «Патріаршины», граничащей съ Богородскимъ уѣздомъ, Московской губерніи. Преобладающимъ здѣсь является безпоповщинское ученіе, распространенное еще съ давняго времени. Изъ всѣхъ старообрядческихъ согласій; безпоповщинское (по увѣренію корреспондента *Порядока*) отличается наибольшою развитостью: наставники ихъ и руководители обладаютъ громадною начитанностью. Рукописная безпоповщинская литература заслуживаетъ особеннаго вниманія. Исключая вопросовъ о церковной іерархіи, отвергаемой безпоповцами, во всемъ остальномъ они держатся самыхъ здравыхъ христіанскихъ понятій и замѣтно прогрессируютъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

«Замѣчательнымъ явленіемъ въ здѣшней глуши,—писали изъ Покровскаго уѣзда, Владим. губ.,—служить рукописная раскольническая литература, которая процвѣтаетъ здѣсь издава. Каждый безпоповщинскій начетчикъ и книжникъ непременно что-нибудь напишетъ въ теченіе своей жизни. Въ настоящее время по рукамъ старообрядцевъ ходитъ новѣйшее сочиненіе начетчика Зыкова (изъ деревни Кабановой) о разногласіяхъ между старообрядчествомъ и православною церковію, написанное по поводу разглагольствія съ извѣстнымъ миссіонеромъ, о. Павломъ Прусскимъ» (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 159).

Сочиненіе Зыкова, судя по другому сообщенію той же газеты, возбудило большіе толки среди мѣстнаго безпоповщинскаго населенія. «Вышедшій предъ этимъ большой рукописный томъ сочиненій того же Зыкова разошелся очень быстро, несмотря на дороговизну—25 рублей за экземпляръ. Настоящій трудъ Зыкова, копированный во множествѣ экземпляровъ превосходнымъ, весьма отчетливымъ полууставомъ, объемомъ своимъ значительно менѣе перваго сочиненія. За то это послѣднее сочиненіе отличается, по отзывамъ старообрядческихъ начетчиковъ, другими достоинствами, доказывающими громадную начитанность автора, тщательно, какъ видно изъ самой рукописи, изучившаго старообрядческую литературу».

«Я имѣлъ случай познакомиться,—писалъ два года назадъ корреспондентъ газеты *Порядокъ*,—съ сочиненіемъ здѣшняго старообрядческаго писателя И. И. Зыкова, который выпустилъ уже два обширные тома и готовитъ въ настоящее время третій. Нужно замѣтить, что рукописныя сочиненія Зыкова, имѣющія преиму-

щественно полемической характеръ, отличаются яснымъ, толковымъ изложеніемъ и доказываютъ обширную начитанность автора, писаніями котораго руководствуются и поучаются не только мѣстные старообрядцы, но и жители другихъ, дальнихъ мѣстностей» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

Умершій два года назадъ московскій старообрядческій архіерей Антоній оставилъ послѣ себя обширную библіотеку, которая, согласно предсмертной волѣ покойнаго, была переведена изъ архіерейской резиденціи на Рогожское кладбище, гдѣ она должна быть открыта для всеобщаго пользованія старообрядцевъ. Книгохранилище Антонія, собранное имъ въ теченіе своего 30-ти-лѣтняго архіерейства, состоитъ преимущественно изъ дорогихъ старопечатныхъ изданій, составляющихъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость; между ними есть не мало замѣчательныхъ древнихъ рукописей, для приобрѣтенія которыхъ покойный не жалѣлъ никакихъ средствъ. Для изслѣдователей старопечатной церковной литературы книжное собраніе Антонія незамѣнимо (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 125). Попечители Рогожскаго кладбища, З. А. Зеленевъ и К. А. Царскій, согласно мысли, высказанной Т. С. Морозовымъ, предполагаютъ приспособить для библіотеки особое удобное помѣщеніе, сдѣлать книжное собраніе Антонія общедоступнымъ для всѣхъ старообрядцевъ, особенно для лицъ, занимающихся изысканіями въ старопечатной литературѣ.

Изъ города Боровска, Калужской губерніи, недавно сообщалось *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что «при тамошнемъ архіерейскомъ старообрядческомъ домѣ открыта небольшая библіотека, состоящая преимущественно изъ старопечатныхъ изданій и рукописей, равно какъ и наиболѣе важныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи церкви. Старообрядческій епископъ Θεодосій весьма охотно даетъ объясненія посѣтителемъ, являющимся за книжными справками».

Послѣ смерти умершаго недавно старообрядческаго писателя, автора *Окружнаго Посланія*, И. Е. Ксенова, также осталась обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ цѣнныхъ старопечатныхъ изданій и древнихъ рукописей. Библіотека эта въ настоящее время разобрана старообрядческимъ епископомъ Сильвестромъ стародубскимъ. Часть книгъ поступитъ въ пользу Предтеченскаго старообрядческаго монастыря, находящагося близъ Клинцовъ, гдѣ похороненъ покойный, а остальныя поступятъ въ

продажу. Многие изъ почитателей покойнаго прислали свои предложенія, желая приобрести оставшіеся экземпляры изъ его книжнаго собранія (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 99).

Кромѣ бібліотеки, Ксеновъ отсавилъ послѣ себя не мало разнаго рода сочиненій въ рукописяхъ. «Болѣе замѣчательныя произведенія автора *Окружнаго Посланія* старообрядцы желали бы видѣть въ печати, но, при настоящихъ цензурныхъ условіяхъ, желаніе это не можетъ быть удовлетворено, судя по тому, что даже портретъ покойнаго съ его факсимиле не разрѣшенъ къ выпуску» (*Русскій Курьеръ* 1883 г., № 14).

Такимъ образомъ, старообрядческая литература до сихъ поръ принуждена обходиться безъ помощи печатнаго станка, до сихъ поръ по необходимости принуждена довольствоваться *рукописью*. Почти всѣ попытки старообрядцевъ провести тѣ или другія свои изданія въ печать терпѣли полную неудачу. Читатели, вѣроятно, еще не забыли, какъ два года тому назадъ цензурный комитетъ, согласно опредѣленію св. синода, запретилъ къ обращенію отпечатанную въ Москвѣ книгу В. М. К—скаго *Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ*.

Въ послѣднее время среди старообрядцевъ начали все чаще и чаще встрѣчаться разнаго рода литографированныя произведенія. Очевидно, раскольники успѣли обзавестись своими литографіями. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній превосходно изданы, на великолѣпной бумагѣ; таково, напримѣръ, сочиненіе: *Апология христіанъ-старообрядцевъ или разсмотрѣніе и опроверженіе обвиненій, возводимыхъ на старообрядчество духовногосподствующею литературой*. Сочиненіе это, написанное, кстати сказать, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ обстоятельную, безошадную и мѣстами весьма рѣзкую критику извѣстной брошюры г. Н. Субботина *О сущности и значеніи раскола въ Россіи*. «Апология» эта принадлежитъ перу одного изъ самыхъ видныхъ и образованныхъ старообрядческихъ дѣятелей; она начинается словами: «Не пора ли и безправному старообрядчеству выступить со своею защитою отъ направленныхъ противъ него обвиненій?».

Что касается отношенія раскольниковъ къ свѣтской, «гражданской» печати, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что предубѣжденіе, существовавшее у нихъ въ прежние время къ литературѣ, какъ къ «новшеству», нынѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаетъ. По этому поводу одинъ изъ офи-

ціальныхъ изслѣдователей экономическаго быта крестьянъ Покровскаго уѣзда, Владимір. губ., между прочимъ, пишетъ: «Многіе изъ раскольниковъ чутко слѣдятъ за событіями современной жизни, выписываютъ газеты, среди которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, на ряду съ распространенными здѣсь *Русскими Вѣдомостями* и *Современными Извѣстіями*, и австрійскаго *Старообрядца*, и *Голосъ*, и *Страну* *)».

УШ.

Газеты.

По нѣкоторымъ даннымъ слѣдуетъ думать, что мысль о необходимости имѣть свой собственный органъ печати давно уже живетъ въ передовой части русскаго старообрядчества. Профессоръ Н. Я. Аристовъ сообщаетъ по этому поводу весьма интересный эпизодъ изъ петербургской жизни своего друга Афанасія Прокопьевича Шапова, извѣстнаго изслѣдователя раскола.

Въ 1863 году, рижскіе купцы, «раскольники поморскаго согласія», отправили въ Петербургъ одного уполномоченнаго изъ своей среды, чтобы хлопотать о признаніи гражданскихъ браковъ. Этотъ уполномоченный счелъ своимъ долгомъ посѣтить Шапова, который жилъ въ это время въ Петербургѣ «Долго и задушевно бесѣдовали они между собою о положеніи русскихъ раскольниковъ». Затѣмъ купецъ «завелъ рѣчь о газетѣ раскольничьей, которой имъ не позволяютъ издавать въ Россіи»; при этомъ онъ сообщилъ, что теперь старообрядцы рѣшили издавать свою газету за границей, и тутъ же предложивъ Шапову: «не желаетъ ли онъ быть ея редакторомъ», за что обѣщавъ ему «полное обезпеченіе». Шаповъ отказался и дѣло съ газетою заглохло **).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ австрійской Буговинѣ, въ Коломыи, началъ выходить *Старообрядецъ*, русская «газета церковно-научно-нравственная и экономическая». Ответственнымъ редакторомъ состоитъ нѣкто Левъ Стадниченко, а издателемъ и вмѣстѣ фактическимъ редакторомъ — «инокъ Никола Чернышевъ». Газета выходитъ два раза въ мѣсяць—1 и 15 числа. Подписная цѣна на полученіе газеты, съ почтовою пересылкою на

*) «Промыслы Владимірской губ.». Выпускъ IV. Москва 1882 г. стр. 63.

***) «Афанасій Прокопьевичъ Шаповъ», соч. проф. Н. Я. Аристова. СПб., 1883 г., стр. 104.

годъ въ Австріи—4 гульдена, на полгода 2 гульдена и 50 крейцеровъ австрійской валюты; въ Россіи—5 рублей за годъ и 3 рубля за полгода. Каждый номеръ *Старообрядца* снабженъ эпиграфомъ: «Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добрѣ, что мя бѣши?» (Еванг. отъ Іоанна).

Газета поставила себѣ цѣлью служить интересамъ русскаго старообрядчества, причемъ подробно выяснила свою программу въ двухъ первыхъ номерахъ, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Причины появленія сей газеты и программа». При этомъ редакция заявляла, что она главнымъ образомъ ставить себѣ задачей «защищать правоту своей религіи» посредствомъ «неоспоримыхъ историческихъ доказательствъ» и ратовать о томъ, что «нѣсколько милліоновъ старообрядцевъ не имѣютъ свободы исповѣдывать свою религію въ ихъ отечествѣ, Россіи». (Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что газета начала выходить задолго до закона 3 мая 1883 года). На эти темы помѣщено въ газетѣ множество статей, представляющихъ огромный интересъ для всѣхъ, кого сколько-нибудь занимаетъ вопросъ о современномъ состояніи русскаго раскола.

Въ числѣ главныхъ цѣлей, которыя поставила себѣ редакция, видное мѣсто занимаетъ вопросъ объ образованіи старообрядчества. «Какъ не можетъ человѣкъ жить безъ хлѣба и воды, такъ не можно жить и безъ школъ общественныхъ, такихъ, въ которыхъ могъ бы научиться и сиротка, бѣдной вдовы сынокъ и дочка, не платя учителю ни гроша, божественному чтенію и писанію». Каждый разъ, какъ только касается газета вопроса о школахъ, она всегда называетъ ихъ «самыми полезнѣйшими, самыми необходимѣйшими для жизни человѣка заведеніями» и постоянно настаиваетъ на томъ, чтобы школы непременно заводились «въ каждомъ старообрядческомъ обществѣ».

Кромѣ школъ, газета рекомендуетъ старообрядцамъ заводить «общественные банки», которые выдавали бы ссуды бѣднымъ людямъ за маленькіе проценты. Въ доказательство необходимости такихъ банковъ приводятся многочисленные факты экономической эксплуатаціи, которой подвергаются старообрядцы въ австрійскихъ странахъ со стороны евреевъ.

Другой вопросъ, занимающій редакцію,—это именно объединеніе всѣхъ разнообразныхъ развѣтвленій старообрядчества. «Такъ какъ старообрядцы,—говорится въ одной изъ передовыхъ статей,—раздѣлились на нѣсколько частей между собою, то мы будемъ пред-

ставлять имъ здѣсь это великое зло, вкоренившееся у нихъ. И будемъ совѣтывать, чтобы общими силами, по силѣ возможности, искоренять его, ибо оно страшный грѣхъ предъ Богомъ и людьми». Въ другой разъ газета замѣчаетъ: «Въ настоящее время всѣ народы Европы группируются между собою въ общества большія или малыя для учрежденія какого-нибудь полезнаго заведенія, такъ какъ, говоритъ пословица: «одинъ въ полѣ не воинъ», — отчего они и счастливы и живутъ спокойно и богато». Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, газета постоянно дѣлаетъ призывы о томъ, чтобы «всѣмъ старообрядцамъ, имѣющимъ архіерейство, безпоповцамъ, «тульскимъ» и прочимъ отдѣламъ соединиться въ одну вѣру, въ одну церковь и въ одно общество, такъ какъ намъ можно легко это сдѣлать, имѣя однѣ книги, одни обряды, однѣ причины, раздѣляющія насъ отъ господствующей въ Россіи церкви».

Старообрядецъ, какъ видно, внимательно слѣдитъ за русской періодической печатью и отмѣчаетъ все, что появляется въ ней по вопросу о расколѣ. Относясь съ сочувствіемъ ко всякому правдивому, безпристрастному изслѣдованію, газета, въ то же время, вступаетъ въ горячую полемику съ тѣми изъ органовъ печати, которые, — подобно, на примѣръ, *Московскимъ Вѣдомостямъ*, — «высказываютъ и утверждаютъ всѣмъ очевидную ложь относительно того, что старообрядцы, будто бы, во всемъ свободны».

Въ старообрядческой газетѣ можно встрѣтить корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ Россіи, Австріи, Молдавіи и проч. Въ первыхъ №№, на примѣръ, были помѣщены корреспонденціи: «съ Дона», изъ Москвы, изъ Суздаля, изъ Яссы, изъ Богородскаго уѣзда, Московской губ., изъ Казани, изъ Галаца (Молдавіи), изъ Измаила, Бессарабской области, «Изъ Уральскихъ хребтовъ», изъ Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ., «изъ провинціи», за подписью «крестьянинъ», и проч.

Русская печать, въ огромномъ большинствѣ своихъ органовъ, отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ своему новому и оригинальному собрату и по достоинству оцѣнила его значеніе. Вотъ, на примѣръ, что писалъ *Церковно-Общественный Вѣстникъ* по поводу первыхъ №№ *Старообрядца*: «Подобнаго рода изданіе составляетъ насущную потребность не только для самаго старообрядчества, но и для его изслѣдователей и для органовъ администраціи церковной и гражданской и для общества. Для старообрядчества оно составляетъ центральный пунктъ, въ которомъ

сосредоточиваются его міровоззрѣнія и защищаются его нравственные и матеріальные интересы, и, въ то же время, оно служитъ объединяющимъ факторомъ, приводящимъ къ единству все разнообразіе старообрядческой мысли и жизни... Для администраціи—это необходимый источникъ для узнанія истинныхъ потребностей старообрядчества, цѣлей, которыхъ оно домогается въ государственной и общественной средѣ, и средствъ, какими оно думаетъ достигнуть искомымъ имъ цѣлей. Нужно, наконецъ, подобное изданіе и для общества: изъ него общество узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, какіе жизненные интересы преслѣдуютъ представители старообрядчества... Вотъ почему появленіе старообрядческой газеты не должно остаться незамѣченнымъ, и мы съ своей стороны встрѣчаемъ ее съ искреннимъ радушіемъ» (*Церковно-Общест. Вѣстникъ* 1879 г., № 15).

Какъ же отнеслись къ появленію газеты сами старообрядцы? Извѣстная, наименѣ развитая часть русскихъ старовѣровъ отнеслась довольно индифферентно къ этому предпріятію. «Молился бы лучше Богу»,—писали эти люди иноку-издателю.

Но за то болѣе развитая и образованная часть старообрядчества съ большимъ сочувствіемъ встрѣтила новый печатный органъ. Такъ, изъ Покровскаго уѣзда (Влад. губ.) сообщали, что безноповцы селеній Кабанова, Іонова, Зуева и др. весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, несмотря на то, что она издается лицомъ вовсе не ихняго согласія. Такъ какъ издатель этой газеты, г. Чернышевъ, человекъ вовсе безъ средствъ, то безноповцами собрана была довольно значительная сумма и отослана въ Коломню, въ Австрійской Галиціи, гдѣ выходитъ помянутое изданіе» (*Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 140).

Этотъ фактъ подтверждалъ также и корреспондентъ (*Русскаго Курьера*) изъ Покровскаго уѣзда. «Здѣшніе старообрядцы,—писалъ онъ,—весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, которая получается здѣсь многими изъ безноповцевъ. Въ недавнее время между старообрядцами состоялась даже подписка въ пользу издателя помянутой газеты и собранная сумма отослана по принадлежности» (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 159).

Въ самомъ *Старообрядцѣ* было помѣщено много писемъ и заявленій отъ раскольниковъ, которые выражали свое сочувствіе дѣятельности издателя газеты и изъявляли готовность оказать ему

полное содѣйствіе. Приводимъ здѣсь маленькое извлеченіе изъ одного подобнаго письма, полученнаго г. Чернышевымъ изъ Херсонской губерніи: «Честнѣйшій въ иноцехъ, отецъ Никола! Первымъ долгомъ чувствительнѣйше имѣю честь поздравить васъ на юрищѣ богодухновенной, для всѣхъ старообрядцевъ утѣшительной газеты, которой начало и основаніе положилъ самъ Параклитъ святой. Она — защита и утѣшеніе русскаго народа, безвинно угнетеннаго и безмолвно молчащаго и по нынѣ многотерпѣливо переносящаго несчастную свою долю, — всѣ невзгоды, обиды, насмѣшки, клеветы и порицаніе «раскольникъ», нами не заслуженное. Дерзай, великій народолюбче! не унывай, мы всѣ готовы помогать, только скажи въ чемъ, мы не пожалѣемъ тѣбныхъ денегъ, только не оставляй своего неоцѣннаго для насъ труда» и т. д.

Въ заключеніе приведемъ написанные русскимъ старообрядцемъ къ издателю газеты и помѣщенные въ одномъ изъ № *Старообрядца* стихи, въ которыхъ также выражается сочувствіе направленію газеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается призывъ ко всѣмъ старообрядцамъ, чтобы они оставили, наконецъ, свой «постыдный разладъ» и сомкнулись бы въ одну дружную, сплоченную семью.

«Богъ въ помощь Вамъ, благодѣтелю нашъ,
Труды Ваши сіи вельми пользуют насъ.
Звукъ Вашего голоса извиѣ
Поставляетъ и насъ со всѣми наравнѣ.
Первый тамъ раздался онъ,
Страждущихъ защищаетъ онъ.
Радостно на душѣ стало,
Что такое времячко настало.
Вамъ сила Вышняго вдохнула благодать
Къ оборонѣ своего народа стать.
Кто-жь поднять былъ долженъ примиренья и свободы гласъ,
Какъ не старшій братъ у насъ?»

.....
Поспѣшимте, братья старообрядцы, —
Вѣдь, между собою мы всѣ братцы, —
Сбросить постыдный нашъ разладъ,
Чему изъ насъ, сдается, каждый будетъ радъ.

.....
Стыдно, стыдно, братцы, дѣль имѣть одну,
А расходиться въ разныя стороны по одному.

Совокупно и въ совѣтъ нужно быть,
Если хотимъ нашу цѣль осуществить!»

IX.

«Б р а т с т в а».

Настоящій очеркъ былъ бы не полонъ, если-бъ мы ничего не сказали о тѣхъ кружкахъ или «братствахъ», которыя возникаютъ въ послѣднее время въ средѣ старообрядцевъ и которыя ставятъ себѣ цѣлью обсужденіе и выясненіе не только священнаго писанія, но и всякаго рода вопросовъ, относящихся до церкви, религіи и общественнаго положенія старообрядцевъ. Подобное «братство», лѣтъ 6 тому назадъ, возникло, между прочимъ, въ Москвѣ, подъ руководствомъ старообрядческаго священника Прокопія Ланшина.

Чаще всего въ собраніяхъ этого «братства» идутъ разсужденія и даже читаются цѣлыя *рефераты* о различныхъ нуждахъ современнаго старообрядчества или же обсуждаются вопросы, касающіеся исторіи раскола, толкуется объ изданіи тѣхъ или другихъ матеріаловъ, относящихся до исторіи старовѣрія, разбираются выходящія вновь книги по расколу и т. д. Наконецъ, на этихъ собраніяхъ все чаще и чаще начинаютъ раздаваться рѣчи о необходимости «возрожденія старообрядчества и нравственнаго обновленія его».

На одномъ изъ подобныхъ собраній московскихъ старообрядческихъ дѣятелей, недавно, разсуждали, между прочимъ, относительно обнародованія манускриптовъ Павла Великодворскаго, оставшихся послѣ учрежденія австрійско-бѣлокриницкой митрополіи и находящихся въ настоящее время въ рукахъ одного изъ членовъ «братства». Присутствовавшій въ собраніи старообрядецъ Д—въ высказалъ, что нѣкоторые изъ миссіонеровъ господствующей церкви настоятельно требуютъ рукописи Великодворскаго для напечатанія въ видахъ разъясненія истины. Но удовлетворить это требованіе, по мнѣнію Д—ва, никакъ невозможно, по той причинѣ, что все то, что говорится въ нихъ въ пользу старообрядческой іерархіи, будетъ искажено.

Другой изъ членовъ собранія, А—нъ, высказалъ, что «всѣ важнѣйшіе документы, хранившіеся въ архивѣ бѣлокриницкой митрополіи, и такъ уже похищены; при помощи ихъ изданы

цѣлые томы и безчисленное множество брошюръ, направленныхъ противъ старообрядчества, но *правдиваго во всѣхъ этихъ изданияхъ очень мало*. Поэтому, по мнѣнію А—на, предоставлять въ распоряженіе тѣснителей старообрядчества послѣднія важнѣйшія рукописи было бы крайне опрометчиво. «Когда поослабнутъ, современемъ, цензурныя стѣсненія, — сказалъ въ заключеніе А—нъ, — мы и сами постараемся ознакомить съ ними всѣхъ интересующихся» (*Русск. Видом.*).

Въ другой разъ въ засѣданіи «братства» представлена была собранію только что вышедшая тогда книга извѣстнаго богослова Т. И. Филиппова: *Современные церковные вопросы*, причемъ были прочитаны изъ нея наиболѣе выдающіяся мѣста о несправедливомъ отношеніи господствующей церкви къ старообрядчеству. Собраніе признало полезнымъ рекомендовать трудъ г. Филиппова провинціальнымъ старообрядческимъ дѣятелямъ. Въ тотъ же разъ собраніе постановило: собрать всѣ матеріалы, относящіяся къ исторіи старообрядческой іерархіи, и поручить разработку ихъ старообрядческимъ писателямъ.

Но особенный интересъ представляетъ отчетъ о засѣданіи «братства», происходившемъ 13 декабря 1881 года. Въ началѣ членъ «братства» П. Я—въ прочелъ свой рефератъ «о гоненіяхъ на старообрядцевъ въ царствованія Петра I и Николая I». Заимствовавъ изъ обнародованныхъ архивныхъ матеріаловъ прискорбные факты различныхъ стѣсненій, которымъ подвергались старообрядцы, Я—въ сгруппировалъ собранныя имъ печальныя страницы исторіи русскаго старообрядчества въ небольшомъжатомъ очеркѣ. Нѣкоторые изъ фактовъ, приведенныхъ въ рефератѣ, казались даже невѣроятными, и трудно было бы вѣрить, еслибъ не имѣлись на это неоспоримыя доказательства.

Въ заключеніе Я—въ, указавъ на обширную коллекцію представленныхъ имъ въ собраніе такъ называемыхъ «противораскольническихъ сочиненій», которыми такъ богата наша духовная литература, Я—въ старался доказать, что «этими именно пристрастными писаніями, изложенными далеко не въ христіанскомъ духѣ, а въ духѣ злобы и ненависти къ старообрядчеству, и распространены расколъ на Руси».

Другой членъ «братства», И. А—нъ, говорилъ по вопросу о возвращеніи въ Россію заграничныхъ старообрядцевъ. Стѣсненія, направленные противъ старообрядцевъ, привели къ тому, что многіе изъ ревнителей старины вынуждены были оста-

вить родную землю и переселиться въ басурманскія государства, гдѣ нашли нѣкоторое покровительство. «Для насъ утѣшительно то, по крайней мѣрѣ, — сказалъ, между прочимъ, А—въ, — что наши братья и за предѣлами Земли Русской не утратили ни языка, ни обычаевъ, ни вообще русской самобытности». Затѣмъ А—въ прочелъ въ собраніи нѣсколько писемъ, заграничныхъ старообрядцевъ, въ которыхъ ясно высказывается ихъ стремленіе на родину, тоска по родной землѣ. По словамъ А—на, «еслибы не было препятствій относительно религіозной свободы, то эмигранты-старообрядцы давно бы оставили чужбину и вернулись бы домой».

Заявленіе это вполне подтвердилъ другой членъ братства. П—въ, который, между прочимъ, сообщилъ, что единичныя переселенія старообрядцевъ изъ-за границы въ Россію стали повторяться съ 60-хъ годовъ, какъ только у насъ начала обнаруживаться нѣкоторая вѣротерпимость по отношенію къ расколу. «Правительство, — сказалъ П—въ, — однимъ словомъ могло бы вернуть эмигрантовъ на родину, обезпечивъ лишь имъ, а вмѣстѣ съ ними и намъ, свободное отправленіе богослуженія и уравненіе нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ».

Затѣмъ въ собраніи выступилъ съ рѣчью г. Д—въ, указавшій на то, что «въ видахъ возрожденія старообрядчества и нравственнаго обновленія», архіерейскія старообрядческія кафедры слѣдуетъ замѣщать наиболѣе просвѣщенными іерархами, которые бы являлись всюду представителями старообрядчества, христіанскими пастырями въ полномъ смыслѣ слова, которые бы въ извѣстныхъ случаяхъ ходатайствовали за старообрядцевъ, защищали ихъ отъ полицейскихъ стѣсненій. «Пусть они будутъ достойными представителями 15-ти миллионнаго старообрядческаго міра, — сказалъ Д—въ, — а съ безграмотными пастырями мы далеко не уйдемъ».

Въ концѣ засѣданія членъ «братства» Е—въ обратилъ вниманіе собранія на переписку съ провинціальными старообрядческими дѣятелями, находя обмѣнъ мыслей и взглядовъ вообще полезнымъ, особенно въ виду разрозненности, господствующей среди старообрядцевъ. При этомъ были прочтены представленные Е—вымъ собранію письма старообрядческихъ начетниковъ изъ Казани, Оренбурга, Саратова, Кіева, Клинцовъ и другихъ мѣстъ (*Русскія Вѣдомости* 1881 г., декабрь).

Въ заключеніе замѣтимъ, что кружки, сходные съ только что описаннымъ «братствомъ», кромѣ Москвы, можно встрѣтить

въ Казани, Хвалынскѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ Казани, при одномъ изъ такихъ кружковъ, существуетъ даже весьма порядочная библиотечка, постоянно пополняющаяся всѣми изданіями и статьями, которыя имѣютъ хотя отдаленную связь съ вопросомъ о расколѣ.

Да не подумаетъ читатель, что подборомъ фактовъ въ извѣстномъ направленіи мы желаемъ во что бы то ни стало «разрисовать» старообрядчество, представить его исключительно прогрессивнымъ элементомъ въ русской народно-общественной средѣ. Совсѣмъ нѣтъ: мы далеки отъ подобнаго желанія, ибо прекрасно сознаемъ, что если средній раскольникъ дѣйствительно нѣсколько выше по развитію средняго мужика православнаго, то, все-таки, эта «высота» составляетъ еще черезъ-чуръ ничтожную ступеньку въ лѣстницѣ общечеловѣческаго развитія, чтобы можно было, основываясь на ней, выставить старообрядчество какимъ-то свѣточемъ прогресса и образованія. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе на тѣ запросы и проявления умственной жизни въ расколѣ, которые въ послѣднее время несомнѣнно сказываются въ немъ все сильнѣе, опредѣленнѣе, настойчивѣе и которые поэтому настоятельно нуждаются въ скорѣйшемъ, по возможности, удовлетвореніи.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сдѣлано было нѣсколько попытокъ, клонившихся къ облегченію тяжелаго положенія русскаго старообрядчества. Въ числѣ этихъ попытокъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, закону 3 мая 1883 года, «даровавшему раскольникамъ нѣкоторыя права гражданскія и по отправленію духовныхъ требъ». Но, къ сожалѣнію, и этотъ законъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ вопросъ объ удовлетвореніи давно и вполне назрѣвшихъ потребностей умственной жизни раскола.

А. Пругавинъ.